

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

В ЛОГОВЕ
ЛЬВОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

LIE DOWN WITH LIONS

Перевод с английского *И. Моничева*

Компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 В логове львов : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-107975-8

1981 год, Париж. Начинающий поэт Эллис Талер влюблен в студентку Джейн, и та отвечает ему взаимностью. Врач Жан-Пьер тоже влюблен в Джейн, но пока безрезультатно. Эллис и Джейн вскоре ссорятся, Эллис вынужден вернуться в США, а Джейн выходит замуж за Жан-Пьера. Кажется, что это простая любовная история.

Но на самом деле... Эллис Талер — агент ЦРУ, один из лучших оперативников, специализирующийся на поимке террористов. Жан-Пьер — французский коммунист, недавно завербованный КГБ для работы среди афганских моджахедов. А Джейн... просто феминистка, но и этого достаточно для патриархального Афганистана, где она через год окажется с молодым мужем...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1985

© Перевод. И. Моничев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107975-8

Посвящается Барбаре

Часть первая

1981 ГОД

Глава первая

Люди, пожелавшие прикончить Ахмета Йильмаза, были настроены очень серьезно. Турецкие студенты в изгнании, они жили в Париже и уже убили атташе посольства Турции, а также бросили зажигательную бомбу в дом высокопоставленного сотрудника представительства «Турецких авиалиний». Йильмаза они избрали своей следующей целью, потому что он принадлежал к числу состоятельных сторонников военной диктатуры и очень кстати для них тоже поселился в Париже.

Его дом и офис надежно охранялись, а ездил он в роскошном бронированном «Мерседесе», но, как полагали студенты, каждый человек имел свою слабость, причем обычно такой слабостью был секс. В случае с Йильмазом они оказались правы. Несколько дней не слишком затруднительного наблюдения позволили установить, что два или три раза в неделю Йильмаз уезжал из дома за рулем «Рено»-универсала, который обычно использовала прислуга для доставки продуктов, и отправлялся в один из незаметных переулков Пятнадцатого округа с визитом к влюбленной в него молодой красавице-турчанке.

Студенты решили подложить в «Рено» бомбу, пока Йильмаз проводил время в постели любовницы.

Они знали, где добыть взрывчатку: у Пепе Гоцци — одного из многочисленных сыновей «крестного отца» корсиканской мафии Меме Гоцци. Пепе торговал оружием. Продать его он мог кому угодно, но отдавал предпочтение политически мо-

тивированным клиентам, потому что, как сам с веселым цинизмом признавал, «идеалисты готовы платить больше». Он помог турецким студентам совершить оба предыдущих террористических акта.

Но план подрыва автомобиля не был лишен и некоторых сложностей. Обычно Йильмаз уезжал от возлюбленной один в том же «Рено», но далеко не всегда. Порой он отправлялся с ней вместе ужинать в ресторан. А еще чаще она сама брала машину, чтобы через полчаса вернуться с запасом хлеба, фруктов, сыра, вина, явно собираясь устроить милую домашнюю трапезу. Случалось, кроме того, что Йильмаз возвращался домой на такси, и девушка одалживала у него «Рено» на день-другой. Студенты, подобно многим террористам, были романтиками, и им претила мысль об убийстве красивой женщины, чье единственное и вполне простительное преступление состояло в любви к мужчине, не достойному ее привязанности.

Они обсудили создавшуюся проблему, соблюдая каноны демократизма. Все решения принимались ими после общего голосования. Лидера в своем кругу они не признавали, но все же среди них выделялся один человек, сила личности которого делала его фигурой доминирующей. Звали его Рахми Коскун. Это был привлекательный и пылкий молодой мужчина с густыми усами и с тем блеском в глазах, что выдает яростное желание прославиться. Именно его энергия и целеустремленность помогли довести до конца два предшествующих покушения, несмотря на все проблемы и связанный с ними риск. Рахми предложил посоветоваться со специалистом по бомбам.

Поначалу остальным его идея не пришлась по душе. Кому можем мы доверять? — задавались они вопросом. Рахми назвал Эллиса Талера, американца, называвшего себя поэтом, но на самом деле зарабатывавшего на жизнь уроками английского языка. Экспертом по взрывчатке он стал, когда его призвали воевать во Вьетнаме. Рахми знал его уже год или чуть больше: они оба работали на недолго просуществовавшую революционную газету «Хаос», вместе организовывали поэтиче-

ские вечера для сбора средств в пользу Организации освобождения Палестины. Казалось, Эллис искренне разделял горячее возмущение Рахми тем, что творилось в Турции, и его ненависть к варварам, ответственным за это. Некоторые другие студенты тоже были шапочно знакомы с Эллисом, считая его то ли выпускником университета, то ли молодым преподавателем. И все же им не хотелось привлекать к делу человека без турецких корней, но Рахми проявил настойчивость и в итоге добился согласия своих товарищей.

Эллис сразу же нашел, как им устранить возникшую сложность. Бомбу необходимо снабдить радиоуправляемым взрывным устройством, объяснил он. Рахми расположится у окна дома напротив квартиры девушки или же в машине, припаркованной на той же улице, наблюдая за «Рено». В руке он будет держать портативный радиопередатчик размером с пачку сигарет — такими пультами пользуются, чтобы открывать автоматические ворота гаражей. Если Йильмаз сядет в «Рено» один, как происходило чаще всего, Рахми нажмет кнопку на пульте, радиосигнал активирует взрыватель бомбы, и она рванет при попытке Йильмаза запустить двигатель. Но если автомобилем воспользуется девушка, Рахми кнопки не тронет, и юная красавица поедет по своим делам, пребывая в блаженном неведении об опасности. Бомба не причинит никакого вреда, пока она не активирована.

— Не нажмешь на кнопку, взрыва не последует, — сказал Эллис.

Рахми идея понравилась, и он спросил Эллиса, сможет ли он совместно с Гоцци изготовить такую бомбу.

— Разумеется, — ответил Эллис.

Но выявилась еще одна загвоздка.

— У меня есть друг, — сказал Рахми, — который хотел бы встретиться с вами обоими, с тобой и с Пепе. Если начистоту, вам *обязательно нужно* познакомиться с ним, иначе мы ничего не сможем сделать, потому что именно этот друг дает нам деньги на взрывчатку, на оружие, на автомобили, на взятки чиновникам и на все прочее.

— Зачем ему понадобилось встречаться с нами? — в один голос поинтересовались Эллис и Пепе.

— Он пожелал убедиться, что бомба сработает, и ему необходимо удостовериться, может ли он вам доверять, — извиняющимся тоном объяснил Рахми. — Вам нужно только принести ему бомбу, продемонстрировать принцип ее действия, пожать ему руку и позволить посмотреть вам в глаза. Разве это чрезмерные требования для человека, который дает нам возможность осуществить задуманное?

— Я не возражаю, — сказал Эллис.

Пепе колебался. Он, конечно, хотел получить деньги, причитавшиеся ему от сделки, — он всегда тянулся к деньгам, как свинья тянется к корыту, — но терпеть не мог встреч с незнакомыми людьми.

Эллис вразумил его.

— Послушай, — заметил он, — такие вот студенческие группировки расцветают и увядают, как мимоза весной, и Рахми наверняка уже скоро потерпит крах. Но если ты сведешь знакомство с его «другом», то сможешь продолжать успешный бизнес и потом, когда Рахми не станет.

— Ты прав, — отозвался Пепе, не отличавшийся особым умом, но легко усваивавший деловые принципы, если ему их объясняли просто.

Эллис уведомил Рахми о согласии Пепе на встречу, и Рахми организовал randevу для них троих, назначив его на ближайшее воскресенье.

* * *

Тем утром Эллис проснулся в постели Джейн. Он очнулся внезапно, ощущая страх, словно ему приснился кошмар. Мгновением позже он вспомнил причину своего напряженного состояния.

Посмотрел на часы. Было еще очень рано. Он мысленно вновь повторил детали разработанного плана. Если все пройдет хорошо, сегодня триумфально завершится более чем год тщательной и опасной работы. И он сможет разделить этот

триумф с Джейн, при том условии, разумеется, что останется в живых до конца наступившего дня.

Он повернул голову и посмотрел на нее, сделав это осторожно, чтобы не разбудить девушку. У него дрогнуло сердце, как случалось каждый раз, когда он вновь видел ее лицо. Она лежала на спине, ее чуть вздернутый носик устался в потолок, а темные волосы распластались по подушке, подобно взметнувшемуся крылу птицы. Он смотрел на ее большой рот, на пухлые губы, часто и жадно целовавшие его. Весеннее солнце подсветило легкий белый пушок на ее щеках — ее «бородку», как он называл его, если хотел подшутить над девушкой.

Впрочем, то был редкий момент наслаждения, когда он мог любоваться в полной безмятежности ее спокойным и лишенным какого-либо выражения лицом. Обычно оно выглядело оживленным — смеющимся, хмурым, гримасничающим, отображая то удивление, то скептицизм, то страсть или сочувствие. Но чаще всего она лукаво усмехалась, как шаловливый мальчишка, которому только что удалось кого-то особенно успешно разыграть. И только когда она спала или пребывала в глубокой задумчивости, то становилась именно такой. И в подобные мгновения он любил ее сильнее всего, потому что, как вот сейчас, пока она оставалась беззащитной и естественной, не контролирующей себя, в ее внешности отчетливо проступали приметы сдержанной чувственности, горевшей внутри ее существа, словно пылает не слишком яркий, но горячий подземный огонь, невидимый никому. Тогда он с трудом сдерживал почти неодолимое желание прикоснуться к ней.

Для него это стало в свое время удивительным сюрпризом. Когда он впервые встретился с ней вскоре после своего переезда в Париж, она показалась ему типичной хлопотуньей, каких всегда много в молодежных радикальных кругах столичного города, возглавляющих всевозможные комитеты, организующих выступления против апартеида и кампании за ядерное разоружение. Такие юные создания стояли во главе марша протеста в связи с событиями в Сальвадоре или при-

влекали внимание общественности к загрязнению воды в реках, собирали средства для голодающих в Чаде или стремились помочь творческому развитию молодого талантливому кинорежиссера. Людей притягивала к ней ее поразительная красота, они поддавались очарованию Джейн, черпали энергию в ее неутомимом энтузиазме. Он пару раз приглашал ее на свидания просто ради удовольствия понаблюдать, как хорошенькая девушка уничтожит огромный бифштекс, а потом — он даже не помнил уже, каким образом так получилось — обнаружил, что под личиной этой неутомонной, легко возбудимой с виду девицы таилась поистине страстная женщина, и по уши влюбился в нее.

Сейчас его взгляд блуждал по ее небольшой квартире-студии. Ему стало радостно при виде знакомых вещей, отличавших именно ее жилище. Симпатичная настольная лампа, сделанная из китайской вазочки, полка с книгами по экономике и проблемам бедности в современном мире, просторная софа, в которой ты мог запросто утонуть. Фотография ее отца, красивого мужчины в двубортном пальто, сделанная, должно быть, еще в шестидесятые годы, скромный серебряный кубок, выигранный ею на пони по кличке Одуванчик в 1971 году, то есть десять лет назад. Ей тогда было тринадцать, подумал Эллис, а мне двадцать три. И пока она выигрывала скачки на пони в Гемпшире, я находился в Лаосе, устанавливая противопехотные мины вдоль тропы вьетнамских партизан).

Когда Эллис впервые попал в эту квартиру почти год назад, Джейн только что перебралась в нее из пригорода, и в ней было пусто: небольшая комната в мансарде с кухней в алькове, с душем в стенном шкафу, а туалетом в конце общего коридора. Постепенно она превратила унылую каморку под самой крышей дома в уютное гнездышко. Джейн хорошо зарабатывала переводами с французского и русского на английский язык, но и арендная плата была высока — квартира располагалась рядом с бульваром Сен-Мишель, и потому ей приходилось экономить на обстановке. Она накопила достаточно денег, чтобы купить наиболее подходивший ей стол

красного дерева, антикварную кровать и тебризский ковер. Она принадлежала к тому типу женщин, которых отец Эллиса назвал бы «дамами высокого класса». Джейн тебе понравится, папочка, думал Эллис. Ты будешь просто без ума от нее.

Он перевернулся на бок лицом к ней, и это движение разбудило ее, как он и предполагал. Ее огромные голубые глаза на мгновение уставились в потолок, а потом посмотрели на него, она улыбнулась и перекатилась в его объятия.

— Привет, — прошептала она, а он поцеловал ее.

И мгновенно почувствовал эрекцию. Некоторое время они лежали рядом, все еще полусонные, изредка обмениваясь поцелуями, а затем она закинула ногу ему через бедро, и они начали заниматься любовью, но не слишком активно, ни слова не говоря друг другу.

Когда они только стали любовниками, первое время взаимное сексуальное влечение возникало между ними по утрам и по вечерам, хотя часто даже посреди дня. Эллис предполагал, что столь острое желание физической близости не продлится долго. Уже через несколько дней или, быть может, через пару недель, думал он, ощущение новизны пропадет, и они перейдут к статистически средней частоте, то есть к двум с половиной половым актам в неделю или к чему-то близкому к усредненной цифре. Но он ошибся. Пролетел год, а они все еще бросались друг на друга при каждом удобном случае, как молодожены во время медового месяца.

Она легла сверху, накрыв его собой. Их увлажнившаяся кожа слипалась. Он обвил руками хрупкое тельце и крепко обнял, прежде чем глубоко погрузиться в ее лоно. Почувствовав приближение его оргазма, Джейн посмотрела на Эллиса сверху вниз, а потом впиалась в него поцелуем приоткрытыми губами, пока он кончал в нее. Сразу после этого она издала легкий, приглушенный стон, и теперь уже он мог ощущать, как она тихо сотрясается от долгого, накатывавшего нежными волнами оргазма, какой обычно испытывала по утрам в воскресенье. Затем она так и осталась лежать поверх него, по-прежнему не совсем проснувшись. Он гладил ее волосы.

Несколько минут спустя она спросила:

— Ты помнишь, какой сегодня день?

— Да. Воскресенье.

— Верно. И в это воскресенье твоя очередь готовить обед.

— Я не забыл и об этом.

— Очень хорошо. — Наступила пауза. — Чем же ты собираешься покормить меня?

— Бифштексом, картошкой, зеленым горошком, сыром из козьего молока и клубникой под кремом шантильи.

Она вскинула голову и рассмеялась.

— Но ты постоянно готовишь одно и то же!

— Неправда. В прошлый раз мы ели фасоль по-французски.

— А в позапрошлый раз ты вообще забыл обо всем, и нам пришлось идти в ресторан. Не пора ли внести хоть какое-то разнообразие в свои кулинарные потуги?

— Эй, минуточку! Уговор был, что по воскресеньям мы готовим по очереди. Но никто не упоминал о том, что меню должно быть каждый раз иным.

Она вновь распласталась на нем, притворившись потерпевшей поражение в споре.

Все это время предстоявшая днем работа не давала ему покоя. Он нуждался в ее помощи, и настал момент попросить об услуге.

— Этим утром мне нужно повидаться с Рахми, — начал он.

— Ладно. Тогда встретимся у тебя немного позже.

— Ты можешь кое-что сделать для меня, если не сочтешь за труд приехать туда немного раньше, чем обычно.

— Что именно?

— Приготовить обед. Нет, нет! Я, разумеется, шучу. Мне будет нужна твоя помощь в пустяковом, но строго секретном деле.

— А конкретнее? — спросила она.

— Сегодня у Рахми день рождения, и очень кстати в Париж приехал его брат Мустафа, хотя Рахми пока не знает об этом. — Если все пройдет гладко, подумал Эллис при этом, я

никогда в жизни больше не солгу тебе. — Я хочу, чтобы появление Мустафы за праздничным обедом Рахми стало сюрпризом. Но мне требуется сообщник.

— Я готова, — сказала она, скатившись с него и сев со скрещенными под собой ногами. Ее груди походили на аппетитные яблоки — гладкие, округлые и крепкие. Кончики ее волос щекотали ему соски. — Что от меня требуется?

— Проблема совсем простая. Мне нужно сообщить Мустафе, куда ему явиться, но вот только Рахми никак не решит, где он хочет устроить праздник. Поэтому мне, видимо, придется информировать об этом Мустафу в самый последний момент. А Рахми, по всей видимости, будет рядом со мной, когда я позвоню его брату.

— И как же ты выйдешь из положения?

— Я позвоню тебе. Буду нести какую-нибудь чепуху. Не обращай внимания ни на что, кроме адреса. Потом сама позвони Мустафе, дай ему адрес и объясни, как туда добраться.

Все это выглядело вполне естественно, пока Эллис планировал свои действия, но сейчас его история выглядела откровенно неправдоподобно.

Но у Джейн она, казалось, не вызывала ни малейших подозрений.

— Действительно предельно просто, — сказала она.

— Вот и отлично, — обрадовался Эллис, скрывая чувство облегчения.

— А после звонка мне придется долго ждать твоего возвращения домой?

— Меньше часа. Я только хочу увидеть эффект, произведенный моим сюрпризом, но откажусь от участия в обеде под любым предлогом.

Джейн задумалась.

— Он пригласил тебя одного? Без меня?

Эллис пожал плечами.

— Насколько я понимаю, это чисто мужской обед.

Он протянул руку за блокнотом на прикроватном столике, написал имя *Мустафа* и номер телефона.